

УДК 81'271.12
ББК 81.2-5

Г.Г. Хазагеров

**РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА
В УСЛОВИЯХ
ОСЛАБЕВШЕЙ НОРМЫ**

Рассмотрены факторы, объективно влияющие на ослабление языковой нормы, и адаптация стратегии обучения языку и поддержания речевой культуры в условиях действия этих факторов. Подчеркивается, что ослабление позиций языковой и коммуникативной нормы является объективным процессом, заставляющим пересмотреть концепцию речевой культуры.

Ключевые слова: *языковая норма, риторика, массовая коммуникация.*

Хазагеров Георгий Георгиевич – докт. филол. наук, профессор кафедры теории и истории мировой литературы факультета филологии и журналистики Южного федерального университета
Тел.: 8 (863) 218-40-95
E-mail: timili@sfedu.ru

**Четыре типа задания
коммуникативной
и языковой нормы**

В истории европейской культуры можно выделить четыре способа задания коммуникативной нормы в зависимости от того, какого рода тексты играют ключевую роль в обществе и способны в силу этого задавать нормы языкового общения.

Случай первый. Классическая риторика. Риторика в античном обществе, в отличие от риторики современной, представляла собой полноценный социальный институт, выполнявший цивилизующую функцию. Античная риторика исходила из представления о речи как общем публичном благе [Хазагеров, с. 30–44]. К ней вполне применим термин *res publica* – «общая вещь». Опираясь на корпус канонизированных текстов, узаконенных прецедентов удачной речи, античная риторика учила говорить убедительно и красиво, заботясь о культивировании общего коммуникативного пространства. Из риторической школы, как она описана, например, М.Л. Гаспаровым, выходили не узкие специалисты в области политического пиара и рекламы, а носители античной словесной цивилизации [Гаспаров, с. 5–34].

Случай второй. Христианская гомилетика. Христианская риторика, как известно, наследовала риторике античной и легла в основу университетского европейского образования. В этой новой риторике акцент был перенесен с коммуникативной стороны речи на когнитивную. Проблеме понимания уделялось больше

внимания, чем проблеме общения, что сближало риторику с новой наукой – герменевтикой. Опираясь на достижения торжественного красноречия Греции и Рима, христианская риторика занималась главным образом гомилетикой – учением о проповедях [Корнилова, с. 179]. Совещательное и судебное красноречие были отодвинуты на второй план. Обслуживание горизонтальных общественных связей, в чем была сильна классическая риторика, утратило актуальность. Зато новая риторика, опиравшаяся на новый канон – Писание, учила не только говорить, но и думать в христианских категориях. Речь молодого клирика была не только приспособлена для чтения проповедей, но и наделяла его способностью мыслить в христианской парадигме, т.е. риторика вооружала когнитивным инструментарием.

Случай третий. Национальная литература. Риторика и гомилетика были универсальны, панхроничны и наднациональны, за что и обрушивалась на них критика Нового времени с его верой в историзм и стремлением пробудить к жизни новые европейские народы. Художественная литература стала основой для формирования национальных литературных языков. Именно она – и это азы теории нормы – стала источником нормы в современных литературных языках [Гухман, с. 375–378; и др. работы]. Постепенно сложился новый корпус «школьных» авторов, но туда входили уже не Вергилий с Цицероном, а национальная классика. Отчасти эта практика походила на стратегию риторики древних, так как литература заботилась об общем коммуникативном благе и тем поддерживала горизонтальные связи, хотя и не так непосредственно, как сама античная риторика. Отчасти это походило на стратегию гомилетики, потому что через художественную литературу осуществлялась нравственная проповедь и когнитивный элемент превалировал все же над коммуникативным. Гимназия учила читателей, а не писателей или ораторов. Советская школа в еще большей степени использовала школьный корпус текстов в целях проповеди, только уже идеологической. Она учила скорее определенным образом думать о предмете, чем говорить о нем, т.е. общаться на горизонтальном уровне, писать письма, договариваться. Культивировалось, как известно, лекторское мастерство, но не культивировалось общение на уровне «продавец – покупатель», «врач – пациент» и т.п.

Ахиллесовой пятой литературы неожиданно оказалось то обстоятельство, что она решала собственные художественные задачи, и в какой-то момент ей пришлось выбирать между эстетикой и социальным предназначением. Ориентированность на решение художественных задач повсеместно привела литературу к авангардистским поискам, которые в плане народного просвещения и влияния на общенациональный язык оказались нерелевантны. Элитарная литература закрыла дверь перед непосвященными и самоустранилась из жизни национальных языков. Массовая литература работала на потребу толпе, что также не способствовало выполнению прежних высоких социальных функций. В советском быту и школе этот процесс ис-

кусственно тормозился пролонгированным советским классицизмом, но ощущался даже у нас. Любопытно, что еще в двадцатые годы Г.О. Винокур высказал мысль о языке газет и даже рекламы в качестве образца для языковой нормы [Винокур, с. 107]. Правда, эта тенденция не возобладала, продолжали выходить солидные издания «Писатели о языке», где рядом с высказываниями Пушкина, ставшего основоположником современного русского литературного языка, приводились слова Фадеева, не оказавшего на этот язык серьезного влияния.

Случай четвертый. Массовая коммуникация. Сегодня многими признается, что языковая норма задается текстами массовой коммуникации [Санкевич, с.4; Градина Л.К., с. 93 и многие другие]. Обучение же речи сконцентрировано сегодня именно на обслуживании горизонтальных связей, что не нуждается ни в ссылках, ни в доказательствах. Мозаика, однако, не складывается в целостную картину по нескольким вполне объективным причинам, которые нам следует понимать как вызовы времени, а не как досадные случайности. Ниже мы попытаемся перечислить эти причины.

Объективные факторы ослабления нормы в современной культурно-языковой ситуации

Фактор первый. Слабость СМИ как источника языковой и коммуникативной нормы. Есть две степени интеграции национального языка: койне и литературный язык. Койне – это общий язык, в котором преодолены диалектные различия, благодаря чему носители языка прекрасно понимают друг друга. Литературный язык – это такая форма национального языка, которая всеми носителями принимается за образцовую и которая, благодаря существованию нормы, способна передавать максимальное количество смысловых и стилистических нюансов [Матезиус, с. 194–209]. Это не просто единый язык, это язык культурных людей, способных говорить на любые, в том числе и сложные темы и при этом понимать друг друга.

Сегодня существование койне обеспечивается телевидением, устными СМИ. Именно они хорошо или плохо, но поддерживают единство культурно-языкового пространства. Однако поддержать литературный язык они не в состоянии по совершенно объективным причинам. Во-первых, СМИ по самой своей природе ориентированы на новизну и даже на сенсацию, поэтому их язык избыточно экспрессивен, даже криклив, чему способствует и реклама, несомненно, играющая существенную роль в формировании образа общения. Во-вторых, язык СМИ – это язык улицы, толпы, самых разных людей, случайно попавших в луч общественного внимания, но отнюдь не язык высокой культуры. Чем сложнее тема, чем больше она требует приобщенности к культуре, словарного запаса и даже просто времени на обсуждение, тем неизбежнее ее вульгаризация в СМИ. О сложном можно говорить только на нормированном языке, предполагающем, что люди уже за-

ранее «договорились» о значении и употреблении слов. До сих пор они «договаривались» за счет общего фонда прочитанных книг – литературной классики, поддержанной школой и обществом.

Фактор второй. Незаинтересованность в языковой и коммуникативной норме института PR и рекламы. Два мощнейших современных института – связи с общественностью и реклама, занявшие, казалось бы, нишу риторики, – не заинтересованы в поддержании нормы и вообще в совершенствовании коммуникативного пространства. Речь не идет о каком-то «черном» или недобросовестном пиаре. Речь идет о том, что в PR понимают под «средой» (а пиар и называют «средоведческой коммуникологией») объекты своего воздействия [Буданцев, с. 683]. PR занят не культивированием общения, а «окучиванием» клиента. Коммуникативное пространство, язык, нормы общения – все это в «среду» не входит (кардинальное отличие от риторики!) и лежит вне зоны ответственности этих институтов. Именно поэтому постоянно возникают попытки внешней регламентации рекламы [Баранова, с. 18–23]. Однако, скажем, при подготовке соответствующих специалистов забота об экологии языка не учитывается или учитывается формально лишь в общем порядке вузовской подготовки в рамках культуры речи. Сама же успешность PR деятельности несколько не зависит от соблюдения норм литературного языка.

Фактор третий. Неопределенность отношения к языковой и коммуникативной норме в обществе и в науке. Если первые два фактора можно безошибочно считать повсеместным свойством массового общества, уравниваемым, быть может, в отдельных странах развитыми традиционными институтами, то отношение к норме в нашей культурной ситуации явно имеет собственную специфику и связано с советским опытом.

Всякая норма у нас ассоциируется с тоталитаризмом, т.е. с принуждением, основанным не столько на необходимости координировать гражданские потребности, сколько на решении поставленных государством сверхзадач. «Родная речь» пятидесятых годов [Соловьева и др.], исследованная мною специально на этот предмет, эти опасения вполне подтверждает. Книга, вызвавшая у автора этих строк волну ностальгических воспоминаний, в реальности представляет собой подбор текстов, направленный на усвоение вполне определенных идеологических общих мест. Причем главным таким «местом» (топосом) является даже не любовь к советской Родине, как можно было бы предположить, а топос «раньше и теперь». На протяжении всей книги в связи с русской ли классикой, с новой ли литературой с удивительной навязчивостью проводится одна и та же мысль: раньше было плохо, теперь хорошо. Школьнику дается множество образцов, как рассуждать на эту тему, какими пользоваться выражениями, какие использовать композиционные приемы. Для воспитания с молодых ногтей лектора-пропагандиста лучшей хрестоматии не составить. Нет сомнения, что, пройдя такую подготовку, даже самый плохой ученик смог бы выступить на собрании, особенно на торжественном. Вне школьных рекомендаций он должен был теряться, и сожаления о

том, что он мыслил штампами, были бы лицемерны. Однако добротность классических текстов и последовательность установок давали и «побочный» эффект. Именно этому эффекту и обязан выпускник советской десятилетки своим преимуществом перед выпускником сегодняшним (если и поскольку такие преимущества есть).

И все же настроенность против нормы, регламента в нашем обществе значительна. Сознательные девиации современной рекламы и так называемый «язык падонков» интересны не сами по себе, а в контексте заката классики. Если бы эти явления появились тогда, когда школьников по-настоящему «школили», это была бы хорошо известная травестия в духе студенческого юмора КВН или, если уйти в глубь веков, в духе песен вагантов. Но сегодня, когда никого не «школят», веселое попираание нормы, скажем, нормы правописания – это уже явление другого порядка.

Недоверие к норме сочетается с низким рейтингом книжной культуры и остро стоящими в современном российском обществе проблемами идентичности и преемственности. Неудачи вузовской культуры речи в большой степени объясняются отсутствием общепризнанного идеала такой культуры. Несмотря на то что в теоретических работах смело используется термин «риторический идеал», закрепленный даже в словаре [Сковородников, с. 596–597], надо признать, что такого идеала на сегодняшний день в обществе нет, как нет и института, который мог бы его предложить. При этом тоска по норме сочетается с недоверием к ней.

Нельзя сказать, что в большой науке взгляды на языковую норму выгодно отличаются от общественных настроений своей последовательностью. Бытуют представления об «эластичности» нормы (ср. также «толерантность» нормы [Крысин, с. 175–184]), об объективности сближения литературного языка с некодифицированными сферами» [Иванчук, с. 11], о том, что любое отклонение от нормы – тоже норма (мысль, восходящая к А. Едличке). Вообще со времен Пражского лингвистического кружка ничего серьезного по общим проблемам нормы сказано не было. Адаптации же пражской теории к новым вызовам времени не произошло, что особенно заметно по категории «коммуникативная целесообразность нормы», которая в сегодняшних условиях явно нуждается в уточнении.

Недавняя история с новыми словарями (история с родом слова «кофе») наглядно продемонстрировала непонимание учеными-лингвистами социальной стороны проблемы, подтвержденное до этого попыткой провалившейся реформы правописания. Отчего-то никто не предположил, что в условиях дефицита социальных лифтов и низкого рейтинга культуры лицензия на средний род существительного «кофе» будет воспринята как атака на родовые привилегии образованных людей. А во время подготовки реформы правописания никому не бросилось в глаза отсутствие концепции оной, никто не задумался о непродуктивности каких бы то ни было реформ в условиях размытости представлений о культурной идентичности.

Фактор третий. Анонимная публичность Интернета и норма. Возможность адресоваться к большой аудитории и в то же время оставаться анонимным и безответственным послужила катализатором для проявления своеобразной интеллектуальной развязности. В этом смысле очень интересно проанализировать анонимные (скрытые ником) отзывы на авторские публикации. В этих отзывах графически подчеркнутая небрежность («Ты воще чё?» и пр.) сочетается с крайним радикализмом суждений. Наличие большой арены для демонстрации речевой распоясанности, очевидно, не способствует укреплению языковой нормы.

Совокупность этих и иных более мелких факторов не только расшатала норму, что сказывается в первую очередь на взрослой части общества, но и подорвала само отношение к норме, веру в ее полезность, что сказывается уже на детях и их обучении. Следовать норме становится не престижно, быть безграмотным не страшно, сама языковая компетенция оказывается под сомнением, от речи ничего не ждут (Ср. сленговые обозначения речевой деятельности с отрицательной коннотацией: «бла-бла», «ля-ля, фа-фа», «ля-ля тополя»). Обычно речь развивают, пользуясь литературными образцами, а сегодня в эти образцы мало кто верит.

Оптимальная стратегия реабилитации речевой культуры

Норма всегда опиралась на два столпа: образцы (практика) и правила (теория). Для говорящего и пишущего решающее значение имеют образцы, для слушающего и читающего – правила, дающие возможность оценивать речь (и не только по шкале «хорошо» – «плохо»). Правила – это не только предписания, правила – это проявление языковой рефлексии, возможность посмотреть на язык и речь со стороны, стать в позицию метанаблюдателя. Когда шатается норма, предписания теряют смысл, а образцы теряют ценность; но ценность рефлексии остается. Никто не мешает нам анализировать происходящие на наших глазах процессы. Как минимум их желательно хотя бы понимать, хотя бы давать им более или менее правильную квалификацию.

Вернемся к ситуации с классической риторикой. Ее теоретическая рефлексия не представляла собой чего-то настолько сложного, чтобы это стало уделом каких-то особых жрецов или в современном смысле слова узких специалистов. Ее главный фокус состоял всего лишь в поименовании значимых прецедентов убеждающей речи. Эта мысль особенно выпукло выражена у Квинтилиана [Quintilians..., p. 183]. Можно, скажем, задать вопрос не с целью получить ответ, а с целью привлечь внимание к проблеме. При этом можно спрашивать и самому же отвечать на свой вопрос («Что такое риторика? Риторика – это...»), а можно спрашивать так, что вопрос будет скрытой формой утверждения («Сколько можно испытывать наше терпение?»). Дадим обоим случаям названия, снабдим их примерами и получим две риторические фигуры (в данном случае гипофору и риторический вопрос). С позиций риторики для говорящих важно знать рекомендации: когда

можно, нельзя, допустимо пользоваться гипофорой или риторическим вопросом. Эти рекомендации и поддерживались системой классических образцов. Но с позиции риторики для слушателя важно понять: здесь использована такая-то фигура, такой-то аргумент, такой-то композиционный прием. Например, чтобы критически оценить речь выступающего, понять, на каких струнах он играет, важно именно это.

Гипотеза состоит в том, что в условиях расшатывания нормы и коммуникативной деградации оптимальная стратегия состоит не в прозрачной деятельности по созданию никем не соблюдаемых и постоянно облегчаемых предписаний, а в росте уровня языковой рефлексии, уровня осмысления того, что происходит. Эта рефлексия имеет два направления - общественное и лингводидактическое.

Направление первое. Общественная рефлексия. Никакие комиссии из замкнутой касты филологов делу здесь не помогут. Гораздо полезнее было бы лингвистическое, а лучше риторическое (социальные горизонты шире) просвещение общества.

Общество проявляет интерес к проблемам общения. «Язык падонков» и многочисленные «лингвистические» анекдоты подтверждают это не меньше, чем посты в ЖЖ. Но для того, чтобы эта рефлексия была продуктивной, общество должно быть вооружено азами коммуникативных знаний. От высокой науки требуются не витиеватые рекомендации, от нее требуется нечто противоположное: сделать свои рассуждения прозрачными, не прятаться за лептологическими фразами, за набором ключевых слов, за всей этой «многоаспектной антропоцентрической прагмалингвистической когнитивной парадигмой».

Конечно, «открыть карты» означает не меньше, чем изобрести новую таблицу Менделеева. Но можно для начала воспользоваться минимумом из риторики и теории нормы (карманным Квинтилианом и Матезиусом). Можно подумать над проектом словаря в двадцать – двадцать пять словарных статей, опираясь на который, любой образованный человек смог бы вести предметный разговор на интересующие нас темы. Следует также приветствовать всякую популяризаторскую деятельность филолога.

Направление второе. Рефлексия в лингводидактике. Нужна ли вообще языковая рефлексия ребенку? Думается, что нужна, если исходить из встречного движения. В детском фольклоре живут многочисленные проявления языковой рефлексии в виде загадок, ловушек, каламбуров, анекдотов, присказок и т.п. Мы должны двигаться навстречу детской пытливости, используя, в частности, и детский фольклор, и должны начать с маленьких, с детей пяти – семи лет. Целый комплекс учебников по риторике для школы, разработанный под руководством Т.А. Ладыженской, вызывает много вопросов, хотя, безусловно, приносит и немалую пользу. Полагаю, однако, что подобным проектам не хватает социального масштаба, не хватает глубины осмысления тех вызовов времени, с которыми сегодня обществу приходится сталкиваться. Это мнение можно аргументировать одним – сегодняшним состоянием речевой культуры. Добрать социальный масштаб, очевидно, можно, вынося наши общие проблемы на суд общества, не от-

гораживаясь от дискуссий ссылкой на специальные лингвистические знания. В точке бифуркации удельный вес этих специальных знаний в общем потоке информации стремительно падает.

Вызовы, с которыми сталкивается сегодня культура речи, не измеримы с достаточно скромным категориальным аппаратом этой дисциплины и не могут быть осмыслены с позиции теории нормы, основные положения которой были сформулированы семьдесят лет назад и пополнялись главным образом лишь анализом конкретных случаев. Мысли о либерализации нормы и ее мягкой кодификации также не выглядят впечатляюще и не отражают масштаба происходящих в массовом обществе процессов. Нужны новые горизонты, новые подходы и новая более широкая аудитория гуманитариев, в которой можно обсуждать эти проблемы.

Литература

Баранова М.В. К вопросу правовой регламентации политической рекламы в России // Реклама и право. 2007, № 2.

Буданцев Ю.П. Средоведческая коммуникология // Эффективная коммуникация: история, теория, практика. М., 2005.

Винокур Г.О. Культура языка (Задачи современного языкознания) // Память о революции. 1923. Кн.5.

Гаспаров М.Л. Поэзия риторического века // Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 5-34.

Градина Л.К. Культура речи: социoproфессиональные течения и научные центры // Словарь и культура русской речи. М., 2001.

Гухман М.М. Некоторые общие закономерности формирования и развития национальных языков // Вопросы формирования и развития литературных языков. М., 1960.

Иванчук И.А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Саратов, 2005.

Корнилова Е.Н. Риторика – искусство убеждать. М., 1998.

Крысин Л.П. Толерантность языковой нормы // Язык и мы. Мы и язык : сб. статей памяти Б.С. Шварцкопфа. М., 2006.

Матезиус В. О необходимой стабильности литературного языка // *Матезиус В.* Избранные труды по языкознанию. М., 2003.

Сенкевич М.П. Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997.

Сковородников А.П. Риторический идеал // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.

Соловьева Е.Е. [и др.] Родная речь. Книга для чтения в 4 классе начальной школы. М., 1959.

Хазагеров Г.Г. Риторика vs. стилистика: семиотический и институциональный аспекты // Социологический журнал. 2008. № 3.

Quintilians institutes of oratory or elocution of an orator. London, 1909.